

Миа Ван

The background of the entire page is a rich, textured blue. Overlaid on this are various elements: several vintage photographs with white borders, some showing people in historical clothing; numerous dried, pressed flowers in shades of purple, pink, and gold; and several pieces of old, handwritten letters. A single white feather lies horizontally across the lower right portion of the collage. The overall composition is dense and evocative, suggesting themes of memory and nostalgia.

Оставьте память, отпустите груз

Истории для бережного
расставания с прошлым

Миа Ван

Оставьте память, отпустите груз. Истории для бережного расставания с прошлым

<https://litres.ru/74448677>

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть вещи, которые молчат десятилетиями, а потом одно прикосновение, и время рушится, как карточный домик. Старый фотоаппарат в шкафу. Письмо, так и не отправленное. Свитер, который зашивала мама.

Тридцать историй о предметах, ставших хранителями наших нерассказанных чувств. Это не сборник грустных воспоминаний, а путь: от встречи со старой вещью через боль узнавания к тихому примирению с собой, которым вы были.

Книга не учит забывать. Она учит другому нести прошлое так, чтобы оно грело, а не давило. Разбирать шкаф значит разбирать сердце. Что оставить? Что отпустить? И как написать письмо себе, которого больше нет?

Для тех, кто носит с собой чемодан незакрытых дверей и наконец готов заглянуть внутрь.

Миа Ван

**Оставьте память,
отпустите груз.**

Истории для бережного расставания с прошлым

«Дзан-ша-ри» — незавершённый процесс

30 фрагментов жизни о воспоминаниях и движении вперёд

Предисловие

Отправной точкой для этой книги стали встречи со старыми вещами. Письма, забытые в глубине ящиков, фотоаппарат на дне шкафа, старая одежда в гардеробе — все это, казалось бы, обыденные вещи, но в них заключены самые искренние эмоции нашей жизни. Они тихо ждут своего часа, когда их прикоснутся и пробудят запылившиеся воспоминания. Каждая старая вещь — это вход в историю, возвращающий нас к какому-то прошлому дню, какому-то смеху или какой-то невысказанной тайне.

Эти истории касаются не только самих предметов, но и того, как мы растём с течением времени. Старые вещи возвращают нас к воспоминаниям и одновременно напоминают: жизнь нельзя прожить заново, но благодаря памяти она ста-

новится теплее. Что мы ищем в старых вещах? Незавершённые желания или забытого себя? На эти вопросы нет однозначного ответа, но каждому из нас стоит над ними тщательно поразмыслить. Каждая история в этой книге — словно тихий шепот, приглашающий вас остановиться, оглянуться на пройденный путь и подумать о том, куда идти дальше.

Написав эту книгу, я хотела поделиться с вами некой нежной силой — научиться примиряться с прошлым и находить красоту в обыденной повседневности. Будь то тепло семейных уз, продолжение дружбы или новое познание самого себя — старые вещи могут стать маяком для души, помогающим нам найти путь в тумане.

Предисловие: Свет и тень не повторяются, а старые вещи не имеют финала

Время, как вода, всегда утекает незаметно, постепенно делая всё отдалённым и размытым. Кто-то говорит, что время само по себе не оставляет следов, а мы сами вырезаем на нём узоры своими эмоциями. Возможно, именно поэтому, когда в какой-нибудь спокойный полдень мы открываем ящик, перебираем вещи в шкафу и кончиками пальцев касаемся тех старых вещей, которые уже пожелтели, но всё ещё сохранили тепло, нас охватывает трудноописуемое волнение — словно из щелей времени всплывают тени прошлого, позволяя нам в тишине шептать с нашим прежним «я».

Мы все учимся отпускать вещи на пути взросления, и все мы неосознанно подбираем их в длинной реке време-

ни. Подбираем старую фотографию, неотправленное письмо, изношенный свитер или даже давно выцветший сухой лепесток, застрявший между страницами книги. Эти, казалось бы, незначительные старые вещи словно стражи времени, тихо охраняющие вход в какое-то воспоминание. Когда мы вглядываемся в них, пережитые истории, пройденные пути, упущенные люди — всё это один за другим всплывает перед глазами. Кто-то однажды сказал: самые яркие воспоминания — это зачастую не те моменты, которые потрясают мир, а фрагменты повседневной жизни, которые безмолвно вызывают старые вещи и тихо воскрешают в памяти.

Эта книга, отталкиваясь от этих повседневных старых вещей, пытается в свете и тени, где не будет «следующего раза», вступить в глубокий диалог с прошлым «я» и с былыми временами. Тридцать фрагментов жизни, тридцать историй, мерцающих слабым светом, — каждая из них задает вопрос, каждая задумчиво взирает; между воспоминаниями и движением вперёд постоянно задаётся вопрос: что же мы на самом деле ищем в старых вещах? Утраченное тепло или незавершённые мысли? Почему мы не хотим легко расставаться со старыми вещами? Соппротивляемся ли мы переменам или жаждем, чтобы нас запомнили? И когда мы наконец научимся примиряться с прошлым, обретём ли мы тем самым более нежную силу для движения вперёд?

Это не книга с готовыми ответами. Она похожа на шепчущую реку, медленно протекающую в глубине души каждого

человека. В начале каждой главы вы можете встретить знакомый предмет, а в конце каждого абзаца — найти тень своего прошлого. Это путешествие, посвящённое «постановке вопросов»: мы постоянно задаём вопросы и делимся своими мыслями, потому что за каждой старой вещью скрываются истории и ответы бесчисленного множества людей.

Если «воспоминание» — это нежное упорство, то «движение вперёд» — это смелое отпущение. Эти две силы никогда не противоречат друг другу и не противостоят друг другу. Они, как старые вещи и новое, могут прижиматься друг к другу и опираться друг на друга. Подобно переливам света и тени, старые вещи перестают быть лишь образцами прошлого, а становятся новым смыслом, постоянно расширяющимся в жизни. Они напоминают нам: даже если время не вернётся, воспоминания могут согреть будущее.

Пусть эта книга, когда вы будете разбирать старые вещи, вспоминать прошлое или даже чувствовать растерянность и колебания, поможет вам найти свой собственный ответ между светом, тенью и старыми вещами. Пусть в свете и тени, где нет «следующего раза», вы поговорите со старыми вещами, примиритесь с самим собой и, неся в сердце тепло воспоминаний, отправитесь навстречу бесконечному будущему.

Часть первая: Следы времени, пробужденные старыми вещами

Глава первая: Кожаный конверт в глубине письменного стола

Письменный стол всегда молчаливо свидетельствует о каждом из наших жизненных этапов. Для многих письменный стол — это просто место для учебы или работы, но для меня он скорее похож на хранилище времени. Каждый раз, когда я привожу в порядок ящики стола, это похоже на бесшумную археологическую экспедицию: слой за слоем я снимаю наслоения жизни, отыскивая те забытые детали.

В тот день небо было слегка сероватым, за окном мелкий дождь стучал по стеклу, а в комнате царила тишина. Я сидела за письменным столом, и мне вдруг пришла в голову мысль о том, чтобы «навести порядок». В ящиках скопилось всевозможное: старые ручки, билеты, квитанции, давно просроченные гарантийные талоны и даже несколько недописанных записок. Когда мои пальцы пробирались сквозь кучу хлама, я наткнулась на что-то особенное — шероховатое и плотное на ощупь. Это был конверт из кожи быка, слегка потрёпанный, края кожи уже побелели, словно знаки, оставленные на нём временем.

В этот момент время вдруг повернулось вспять. Поглаживая конверт пальцами, я почувствовала на ощупь то, что совершенно отличалось от современной бумаги. Это были слова, написанные мной более десяти лет назад, в эпоху, когда я ещё не привыкла выражать свои чувства с помощью мобильного телефона и социальных сетей, — слова, написанные со всей серьёзностью. На конверте едва различимы дата и название места, написанные в те времена: почерк дрожал, чер-

нила поблекли. Все эти детали говорили о сдержанной искренности и о той нерешительности, свойственной юности.

Я медленно вскрыла конверт. Внутри лежал лист бумаги с заметными сгибами, которая уже слегка потрескалась. В начале листа было написано: «Дорогая я». Эти четыре слова на мгновение заставили меня задохнуться от эмоций. Сколько раз мы про себя повторяли эту фразу, но редко записывали её на бумаге. Содержание письма включало в себя как представления о будущем и беспокойство по поводу настоящего, так и благодарность за прошлое и нежелание с ним расставаться. Между строк проступали тревога, ожидание и сомнения в себе, которые сопровождали юность перед лицом неизвестного мира.

Содержание письма удивило меня своей откровенностью и невинностью. Например, там было написано: «Помнишь ли ты то чувство растерянности, когда впервые в одиночку вошла в новый школьный двор? Не превратишься ли ты когда-нибудь в будущем в того взрослого, которого сама больше всего ненавидишь? Хватит ли у тебя смелости любить, мечтать и совершать ошибки?» Эти вопросы, словно семена, заложены в каждую строку письма и в каком-то уголке моего сердца.

Интересно, что многие вопросы, которые тогда казались «обязательными для ответа», сегодня, когда я их перечитываю, кажутся такими нежными и милыми. Те вопросы о дружбе, мечтах, любви и взрослении с течением времени

нашли свои ответы, а некоторые остались нерешенными. В конце письма написано: «Если однажды ты снова откроешь это письмо, надеюсь, ты вспомнишь, что когда-то была такая ты, которая, какой бы хрупкой и растерянной ни была, не отказалась от любви к жизни».

Глядя на эти слова, я вдруг поняла, что значение этого письма давно вышло за рамки самих слов. Оно словно зеркало, в котором отражается та моя тогдашняя личность — одновременно трусливая и смелая, — а также то, сохранила ли я и сегодня ту же чистоту и энтузиазм? У каждого в разном возрасте остаются неотправленные письма, а в этих конвертах скрыто не только слова, но и кристаллы эмоций и воспоминаний.

Почему увиденные на бумаге желтоватые полосы кажутся более отчетливыми, чем воспоминания, возникающие из ниоткуда? Думаю, возможно, потому что материальные предметы дают ощущение большей реальности. Воспоминания со временем блекнут, но старые вещи способны почти упрямо сохранять эмоции того времени. Каждая складка, каждая строчка почерка — это свидетельство того, как я жила полной жизнью в прошлом. Каждая складка — словно щель во времени, позволяющая нам спустя много лет заглянуть в настроение того времени.

Я пытаюсь вспомнить, какими были мои чувства, когда я писала это письмо. Это была жаркая летняя ночь, за окном стрекотали цикады, а маленькая настольная лампа на пись-

менном столе бросала круг теплого света. Я долго смотрела в пустоту на чистый лист, пока наконец не набралась смелости и не написала первый слог. Это ощущение было похоже на то, будто я отправляла приглашение своему будущему «я», призывая его вернуться и взглянуть на ту душу, у которой реальность ещё не сгладила острые углы. Возможно, каждому на пути взросления нужен такой внутренний диалог.

На самом деле это письмо так и не было «отправлено». Оно просто тихо ждало в щели между временем и пространством того момента, когда его вновь откроют. На протяжении многих лет я часто видела его, прибирая на столе, но всегда осторожно убирала обратно в глубину ящика. Возможно, я боялась — боялась вновь встретиться с той слишком искренней частью себя, а также боялась, что те чувства, которые уже давно поблекли, покажутся мне чужими.

Однако на этот раз я наконец набралась смелости и внимательно прочитала каждое слово. Читая, я обнаружила, что у меня на глаза навернулись слезы. Не из-за сожалений о прошлом, а из-за искренней благодарности — благодарности той самой себе, которая когда-то, несмотря ни на что, верила в себя и не сдавалась даже в моменты растерянности.

Я невольно задумалась: почему мы так долго не хотим избавляться от этих старых вещей? Потому что они являются свидетелями наших самых искренних чувств, или потому что мы боимся потерять связь с прошлым? Всякий раз, когда жизнь впадает в кризис или я застреваю на перепутье выбо-

ра, я всегда открываю этот конверт, чтобы вновь взглянуть в те юные, но решительные глаза. В этом есть некая невыразимая сила, словно говорящая мне: «Ты не одинок, ты всегда старался».

Значение старых вещей никогда не ограничивается самими предметами. Они подобны мостам времени, соединяющим прошлое, настоящее и будущее. Каждый раз, когда мы прикасаемся к ним, мы вступаем в диалог с прошлым «я». Этот диалог бывает то нежным, то жестоким, но всегда помогает нам лучше понять самих себя.

Я снова сложила лист бумаги и осторожно положила его обратно в конверт. На этот раз я не спрятала его в самый дальний угол ящика, а положила на уголок письменного стола. Не потому, что не хватило места, а потому, что я научилась примиряться. Примиряться с прошлым «я», с теми незавершёнными мечтами и с теми сожалениями.

Возможно, именно в этом и заключается смысл существования старых вещей в нашей жизни: они позволяют нам, раз за разом приводя их в порядок и перечитывая, научиться ценить, а также научиться отпускать. В кожаном конверте скрываются не только слова прошлого, но и фрагменты забытых эмоций, и души, которые продолжают расти.

У каждого из нас когда-то был такой конверт из кожи. А у вас есть письмо, написанное самому себе, или секрет, принадлежащий только вам? Когда вы вновь откроете его, не скажете ли вы тихо в душе: «Спасибо, что ты всегда был

со мной»? Эти слова, возможно, являются тем утешением, в котором мы больше всего нуждаемся среди бесконечной смены света и тени.

Уборка рабочего стола — это никогда не просто физическое занятие. Это скорее глубокий диалог с самим собой, взгляд в прошлое и самоанализ. Мы ищем ответы в старых вещах и одновременно задаем себе новые вопросы. Со временем эти вопросы постепенно становятся частью нашей жизни и дают нам силы для дальнейшего пути.

Итак, старые вещи перестают быть просто старыми вещами. Они — посланники времени, архив эмоций, ориентиры, не дающие нам потерять себя. Всякий раз, когда мы чувствуем растерянность или усталость, открыв тот конверт из кожи, мы вновь обретаем мужество и направление для движения вперёд. Воспоминания — это не оковы, а сила, придающая нашему пути больше тепла.

Свет и тень не повторяются, а у старых вещей нет финала. Каждый отрезок прошлого в нашей жизни заслуживает нежного отношения. Давайте в каждом разговоре со старыми вещами будем видеть того себя, который по-прежнему верит, по-прежнему нежен и по-прежнему смел. Тогда, какими бы ни были перемены в будущем, мы сможем, неся в себе тепло воспоминаний, идти к более далеким горизонтам.

Глава вторая: Старый фотоаппарат на дне шкафа и непроявленные плёнки

Ночь была темна, как вода, и единственный источник све-

та в комнате — маленькая лампа у изголовья кровати. Убирая шкаф, я обнаружила на самом дне тяжелый старый фотоаппарат, а рядом с ним — несколько рулонов непроявленной пленки. Они тихо лежали в окружении пыли и старой одежды, словно пара стражей времени, ожидая, когда кто-нибудь вновь пробудит спящие кадры. Металлический корпус старой камеры уже начал окисляться, поверхность объектива покрыта тонким налетом, а на корпусе ещё сохранилось тепло ладони тех давних лет. А те плёнки — словно цепочка неразгаданных шифров, плотно обхватывающая вход в какое-то воспоминание.

Я взяла фотоаппарат в руки и почувствовал его вес. Эта массивность и прохлада кардинально отличаются от современных лёгких и тонких электронных устройств. Попробовав повернуть затвор, я услышала скрип, словно время заставило внутренние детали заржаветь, а шестерни уже работают вяло. Когда-то я всегда любила брать этот фотоаппарат с собой на выходные, чтобы запечатлеть игру света и тени на углах улиц, улыбки друзей и силуэты родных. Каждое нажатие на спусковую кнопку было небольшим актом сопротивления времени — я хотела продлить этот миг, хотела навсегда сохранить какое-то ощущение.

Но сегодня самым ярким воспоминанием для меня являются не те фотографии, которые уже были проявлены, а эти невиданные пленки в моих руках. Они тихо свернулись калачиком в пластиковых коробочках, словно обернутые слоями

времени. В каждой пленке скрываются неэкспонированные фрагменты — те утраченные или забытые мгновения, которые, возможно, на одном конце пленки ждут, когда их вновь увидят. Это заставляет меня задаться вопросом: не заставляют ли невиданные кадры больше цепляться за прошлые моменты, чем уже запечатленные мгновения?

Я помню, что в последний раз я подняла эту камеру в один из ранних летних дней. Солнечный свет, пробиваясь сквозь листья, рассыпался пятнами, а друзья бегали и резвились в парке. Тогда я отчаянно нажимала на спусковую кнопку, пытаясь запечатлеть на пленке смех, капельки пота и запах травы. К сожалению, пленка была ограничена, и она закончилась, пока я снимала, поэтому я смотала последнюю катушку и небрежно сунула её в сумку. После того дня фотоаппарат постепенно был забыт, а дни незаметно утекали в суете.

Спустя много лет, когда я вновь нашла эту камеру, кончики моих пальцев ощутили едва заметные царапины на краю объектива. Каждая царапина — свидетельство какой-то поездки: то ли рука соскользнула, когда я упала, то ли это след от дождя, промочившего камеру. В те времена я могла долго бродить по улицам в сумерках в поисках идеальной композиции света и тени, даже дожидаясь, пока в кадр войдёт силуэт прохожего. Но сейчас, оглядываясь назад, понимаю, что это ожидание и настойчивость гораздо теплее, чем сами фотографии.

Я протираю объектив и представляю себе, что же скрыва-

ется на тех непроявленных пленках? Может быть, там есть снимок, где друг корчит рожицу? Или профиль всей семьи на семейном фото? А может, это уличное освещение и лужи, снятые в дождливый день, когда я бродила по улицам в одиночестве? Эти образы, возможно, никогда не увидят свет, но они стали для меня своеобразной навязчивой идеей. Ведь неподтверждённые догадки всегда захватывают душу сильнее, чем известная реальность.

Прелесть эпохи плёнки заключалась в ожидании и неизвестности. Сейчас с помощью камеры в смартфоне можно сразу просматривать каждую фотографию и решать, удалить её или сохранить. Но в те времена, держа в руках плёночную камеру, при съёмке всегда чувствовалось некоторое напряжение и ожидание: не переэкспонирован ли этот кадр? Не получился ли он смазанным? На каждой плёнке можно было сделать только тридцать шесть снимков, и каждый из них был бесценным. Чтобы отдать пленку на проявку, приходилось ждать несколько дней, и только открыв фотоальбом, с удивлением обнаруживал какой-то давно забытый кадр.

Возможно, именно благодаря этому «ожиданию» воспоминания становятся более реальными и глубокими. Фотография — это не просто запись изображения, но и запечатление эмоций того момента. Каждое нажатие на затвор — это признание самому себе. Те непроявленные пленки, как и некоторые несбывшиеся желания в жизни, возможно, никогда не сбудутся, но они придают нашим воспоминаниям

дополнительный оттенок туманности и поэтичности.

Я начала задумываться: почему мы всегда так привязаны к невиданным фрагментам? Возможно, потому что у человека всегда есть бесконечные фантазии о «возможностях». Те фотографии, которые так и не были проявлены, становятся для нас пространством воображения о прошлом и о самих себе. Всякий раз, когда жизнь погружается в однообразие, я начинаю фантазировать: а не скрывается ли на этих пленках моя самая лучезарная улыбка? А может, там есть самое тесное объятие с близкими? Эта неизвестность, напротив, вызывает большее желание, чем уже застывшие воспоминания.

Иногда я задумываюсь: если однажды я действительно отнесу эти пленки на проявку и обнаружу, что на них на самом деле ничего нет — ни переэкспонированных точек, ни размытых изображений, ни даже просто пустоты, — то почувствую ли я разочарование? Или смогу смириться? Чего мы боимся больше: подтверждения того, что нам «не удалось сохранить» те моменты, или потери наших представлений о прошлом? На эти вопросы нет однозначного ответа, и каждый раз, когда я разбираю старые вещи, мне остается только молча вести диалог с самой собой.

Старые фотоаппараты и пленки — это не просто предметы, а настоящие сосуды воспоминаний. Они хранят все наши попытки и стремления, связанные с прошлым, превращая каждый отрезок времени в осязаемую реальность. Даже не проявленные, эти пленки по-прежнему несут в себе

особую значимость. Они напоминают нам: в жизни не всегда есть возможность «начать сначала», и многие моменты могут остаться лишь в воображении. Именно поэтому то, что осталось невиданным и незавершённым, напротив, становится вечным.

Я снова убрала фотоаппарат и пленки на дно шкафа, на этот раз специально стряхнув с них пыль, чтобы они спокойно лежали на своих местах. Не потому, что мне жалко их проявить, а потому, что я понимаю: для некоторых вещей именно «незавершённость» — это их самая прекрасная сторона. Каждый раз, оглядываясь назад, они позволяют мне вновь пережить то волнение ожидания и воображения. Каждая пленка — это недосказанная история, каждый щелчок затвора — нежный взгляд на жизнь.

Есть ли у вас такая старая камера? Возможно, вы уже забыли, в какой ситуации она работала в последний раз, но пока она у вас есть, она словно дверь во времени, готовая в любой момент перенести вас в прошлое. Эти непроявленные плёнки, возможно, важнее любой запечатлённой фотографии, потому что в них заключены все ваши представления о прошлом, все сожаления и всё нежное ожидание.

В жизни всегда бывают моменты, которые, как фотопленка, никогда не проявятся, а останутся только в самом нежном уголке нашего сердца. Эти моменты могут быть расплывчатыми или отчётливыми, но они заставляют нас постоянно задаваться вопросом: какие мгновения стоит запомнить? И

хватит ли нам смелости посмотреть в глаза тому «я», которое осталось незавершённым и неподтверждённым?

В конце концов, старая камера и непроявленная пленка стали для меня удивительным мостом, соединяющим меня с прошлым. Они не являются оковами, а скорее нежным напоминанием о том, что нужно ценить настоящее и смело смотреть в будущее. В то же время они позволяют мне время от времени остановиться и оглянуться назад на те мечты, которые я ещё не успела осуществить, и на те кадры, которые всё ещё ждут проявки. Ведь эти невиданные ранее образы — это самая трогательная поэзия в нашей памяти.

Глава третья: Шерстяной свитер, зашитый мамой

В глубине моего шкафа всегда лежит один такой шерстяной свитер. Его цвет уже давно утратил тот мягкий блеск, который был когда-то, на манжетах появились катышки, а в нескольких местах еще видны слегка торчащие нитки ручного шитья. Всякий раз, когда мои пальцы касаются этих деталей, в душе всегда возникают нежные волны. Это не просто старая одежда, а свидетельство той тихой и непрерывной связи, которая связывала меня с мамой на протяжении долгих лет.

Я уже не помню, в каком именно году у меня появился этот шерстяной свитер. Помню только, что это была какая-то холодная зима, и мама связала его своими руками. Ей всегда нравилось сидеть в тишине поздней ночью при тусклом свете в гостиной, и ее руки быстро скользили по нити и спи-

цам. В то время я сидела за письменным столом и делала уроки, и, иногда поднимая глаза, видела силуэт мамы, склонившей голову в сосредоточенности. Шерстяная пряжа мягкая и упругая, она очень похожа на мамину любовь: тёплая, но не навязчивая, нежная, но без лишних слов.

Этот шерстяной свитер сопровождал меня через бесчисленные зимы. Всякий раз, когда снаружи завывал северный ветер, я инстинктивно искала его. Надев его, я словно обрела невидимый защитный щит, отгораживающий меня от холода. Особенно манжеты и воротник мама всегда сшивала особенно плотно, говоря, что именно туда легче всего проникает ветер. В карманах шерстяного свитера часто прятались маленькие записки, которые она туда вкладывала: иногда это было напоминание, иногда — конфетка, а иногда — просто нарисованная улыбка. Эти мелочи стали для меня самой надёжной опорой на протяжении всего моего взросления.

Однако с течением времени моя фигура постепенно изменилась, и шерстяной свитер стал немного тесен. Однажды даже на манжете образовалась небольшая дырка. В ту зимнюю ночь мама ничего не сказала, а просто молча достала иголку с ниткой и всю ночь напролёт зашивала дырку. На следующее утро шерстяной свитер снова стал тёплым, но на манжете остался заметный конец нитки. Каждый раз, надевая его, я невольно касалась этой нитки пальцами. Это было чувство, балансирующее между сожалением и благодарно-

стью: сожаление о необратимости изменений, благодарность за вечную любовь.

С возрастом жизнь становилась всё более насыщенной, а зима уже не казалась такой длинной, как в детстве. В шкафу появлялось всё больше новой одежды — из лучших материалов и в более современных фасонах. Постепенно тот шерстяной свитер оказался задвинутым в самый дальний угол. И вот однажды, прибирая шкаф, я снова наткнулась на него и обнаружила, что он мне уже давно не налезет. Рукава слишком короткие, плечи слишком узкие, даже швы под мышками начали расходиться. Я стояла перед шкафом, держа этот свитер в руках, и в душе поднялась необъяснимая грусть.

Почему старая одежда может нести в себе эмоции, более глубокие, чем тепло? Выбросить её — значит ли это выбросить те времена, когда меня так любили? — невольно спросила я себя.

Материнская любовь всегда скрывается в этих, казалось бы, незаметных деталях. Каждый стежок, каждая нить — это доказательство того, как она бодрствовала ради меня глубокой ночью. В те годы я всегда считала любовь матери само собой разумеющейся, и только повзрослев поняла, что самые драгоценные чувства в этом мире зачастую труднее всего выразить словами. Каждая заплатка на шерстяном свитере — это отражение того молчаливого труда, который мама вкладывала в мой рост. Ее любовь не бросается в глаза, но в холодные дни она дарит мне самую надежную опору.

Иногда любовь — это просто старый шерстяной свитер: он не самый модный и не самый дорогой, но само его существование — доказательство тепла. Став взрослыми, мы всегда заняты поиском новой жизни и новых ощущений, но при этом легко упускаем из виду ту нежность, которая всегда рядом с нами и молчаливо дарит нам заботу. Шерстяной свитер, забытый в глубине шкафа, очень напоминает какой-то упущенный отрезок времени в процессе взросления, но когда мы снова берем его в руки, с удивлением осознаем, что эта любовь никогда не уходила.

Когда-то я долго колебалась, выбрасывать ли этот шерстяной свитер, который уже давно не на меня налезет. Каждый раз, убирая шкаф, я доставала его, а потом снова клала на место. Друг спросил меня: «Зачем хранить такую старую вещь?» Но я не смогла привести весомого аргумента. Возможно, в этом и заключается сила эмоций: они превосходят практическую ценность и становятся неотъемлемой частью нашей жизни. В этом шерстяном свитере сохранилось тепло матери, которая его зашивала, и кажется, что, пока он у меня, я смогу противостоять любому холоду на жизненном пути.

Однажды зимой мне пришлось уехать в другой город по работе. Перед отъездом мама сунула тот шерстяной свитер в мой чемодан. Она сказала: «Куда бы ты ни поехал, если станет холодно, достань его и посмотри». Ее тон был непринужденным, но в те бесчисленные ночи вдали от дома он застав-

лял меня вспоминать о тепле родного дома. Тот шерстяной свитер стал для меня связующим звеном с домом, а также самым непосредственным воплощением моей тоски по маме.

Позже, однажды, мама приехала ко мне в город. Она открыла шкаф и обнаружила, что я до сих пор бережно храню тот шерстяной свитер. Улыбаясь, она сказала: «Ты наконец-то повзрослела и поняла, что самое важное в жизни». Я не ответила, а просто нежно взяла её за руку, ощущая то тепло, которое преодолело время. В тот момент я поняла: есть такая любовь, которую невозможно выразить словами, но она тихо проникает в душу каждый раз, когда я прикасаюсь к старым вещам.

Почему старая одежда может нести в себе эмоции, более глубокие, чем тепло? Выбросить её — значит ли это выбросить те времена, когда тебя так любили? Думаю, ответ, возможно, скрыт в сердце каждого из нас. Каждый раз, когда ты прикасаешься к этому шерстяному свитеру, ты словно снова возвращаешься в объятия матери и ощущаешь ту неизменную заботу. Независимо от того, как далеко мы ушли и сколько испытаний пережили, дом и любовь всегда в той или иной форме остаются в старой одежде, в каком-то предмете, в воспоминании, ожидая, когда мы обернёмся, чтобы обнять их.

На манжетах шерстяного свитера до сих пор видны нитки зашивок — словно нить, отмечающая ход времени. Он был свидетелем моего пути от детской наивности к зрело-

сти, а также того, как мама из молодой девушки превратилась в седую женщину. Каждый стежок, каждая нить — это накопленная любовь. Даже если однажды я все-таки уберу этот шерстяной свитер в самый дальний угол сундука или отдам его кому-то другому, эти чувства от этого не исчезнут. Ведь любовь — это не сама вещь, а то, что пускает корни в наших сердцах и становится убежищем на всю жизнь.

Я аккуратно сложила шерстяной свитер и уложила его в самый уютный уголок шкафа. Не потому, что в шкафу не хватает места, а потому, что я научилась ценить его. Всякий раз, когда я теряюсь или устаю, я открываю шкаф и кончиками пальцев нежно провожу по зашитому ниточку. Это безмолвное признание — нежность, которой мама научила меня за всю свою жизнь. Любовь — это самое прочное рукоделие: как бы ни текла время, она всегда оставляет в глубине души яркую щель.

Возможно, в этом и заключается главный смысл существования старых вещей. Они позволяют нам в какой-то непреднамеренный момент вновь встретиться с прошлым «я» и самыми близкими людьми. Они напоминают нам, что времена, когда к нам относились с нежностью, никогда по-настоящему не исчезают. Каждая старая вещь, каждый стежок — это доказательство любви, а также самая нежная и самая стойкая сила на нашем пути.

Глава четвертая: Наброски в тетради

При наведении порядка в книжном шкафу всегда неволь-

но натыкаешься на вещи, о которых, казалось, давно забыл. В тот день, во второй половине дня, солнечный свет пробивался сквозь шторы, рассыпая по кабинету золотистые пятна. Я присела на корточки и из самых глубин книжного шкафа вытащила толстую университетскую тетрадь. Обложка была уже немного потёрта, углы даже загнуты, а между страницами витал лёгкий аромат былых времён. Когда я осторожно раскрыла его, из страниц сразу же выпала выцветшая маленькая записка и один высохший лепесток, давно утративший свой аромат.

Эта тетрадь изначально предназначалась для записи основных моментов лекций. Почерк был плотным: местами аккуратным, местами небрежным, а кое-где можно было разглядеть пометки, сделанные ручками разных цветов. Но то, что заставило меня остановить палец и задержать дыхание, — это не те ключевые моменты, а наброски на полях: преувеличенные мимики учителя, вид соседа по парте, хихикающего, склонив голову, и та черная кошка с крыльями, которую я чаще всего рисовала в том семестре и которая всегда притаивалась в углу страницы.

Возможно, только тот, кто пережил те дни, сможет понять, сколько скуки на уроках, юношеского беспокойства, а также немного растерянности и надежд на будущее скрывается за этими каракулями. В те времена нам всегда казалось, что уроки тянутся бесконечно, а знания скучны, и мы не могли удержаться от того, чтобы перед звонком на перемену тай-

ком нарисовать свои настроения на полях учебника. Иногда сосед по парте протягивал руку и передавал сложенную в разные фигурки записку с вопросом: «Где пообедаем сегодня?», «Этот учитель опять повторил свою любимую фразу!» или «Кошка, которую ты нарисовал, такая милая, нарисуй и мне такую!». Эти маленькие записки, словно мерцающие огоньки, оживляли те обыденные и даже несколько скучные дни.

Сейчас, глядя на эти каракули, в душе поднимается не скука и уныние тех лет, а нечто, что трудно выразить словами: нежность и ностальгия. Почему обычные фрагменты повседневной жизни, отлежавшись со временем, становятся такими ценными? Потому что они свидетельствуют о том, как мы в самые обычные дни старались сделать жизнь интересной, милой и неповторимой. Сами по себе каракули, возможно, и не являются искусством, но они запечатлели самые искренние эмоции, и мы, те, кем были тогда, оставили в этих почерках частичку своего тепла.

В те времена я всегда тайком наблюдала за движениями учителей на уроках и рисовала их преувеличенные мимики в виде комиксов. Когда учитель говорил с особым воодушевлением, он размахивал руками, его голос то повышался, то понижался, а брови поднимались и опускались в такт. Я запечатлевала все эти движения на бумаге, а иногда, прежде чем учитель успевал заметить, закрывала тетрадь, пригибалась и хихикала. Однажды учитель заметил мои каракули на

уроке и с улыбкой сказал: «Ваше поколение, действительно, обладает богатым воображением». В тот миг я покраснела до ушей, но при этом почувствовала, что меня поняли и оценили.

Помимо каракулей, было ещё и общение с одноклассниками. Однажды страница моего тетрадного листа была полностью заклеена маленькими записками, которые передавал мне сосед по парте. Кто-то нарисовал пухлую утку, а рядом написал: «Вот в каком настроении я сегодня»; кто-то написал: «Удачи на экзамене» и специально нарисовал сердечко. В то время эти записки казались совершенно непримечательными, я даже считала их немного детскими. Но спустя много лет, когда я снова их перелистала, каждая из них стала для меня как капсула времени, в которой полностью сохранились те дни юности и беззаботности.

Иногда я задумываюсь: если бы не эти каракули и записки, остались бы от тех уроков только скучные знания и бесконечные записи на доске? Именно эти спонтанные творения придавали скучной повседневности свой собственный колорит. Возможно, именно так и возникают эмоциональные связи между людьми. Когда мы фиксируем свои настроения в каракулях и передаем заботу с помощью записок, наша юность незаметно переплетается между кончиком пера и страницами тетради.

Годы идут, страницы тетрадей желтеют, линии каракулей бледнеют. Но та жизненная энергия, присущая юности, ста-

новится всё ярче в воспоминаниях. Те уроки, которые когда-то казались скучными, сегодня кажутся полными жизни. Каждый каракули, каждая записка — это свидетельство того, как мы старались найти сюрпризы в обыденной жизни. Они помогли мне понять, что самые ценные воспоминания часто рождаются из самых незаметных мелочей.

Я внимательно листаю каждую страницу и нахожу «талисман на удачу перед экзаменом», который я нарисовала перед одним из тестов, а также шуточные карикатуры, где мы с соседом по парте рисовали друг друга в преувеличенном виде во время перемен. Смех тех дней словно снова раздаётся у меня в ушах. Я даже нашла записку, которую тогда конфисковал учитель, а потом тайком вернул: «Не бойся, я с тобой!» Это были простейшие слова, но спустя много лет они по-прежнему трогают до глубины души. Оказывается, есть теплота, способная преодолеть время.

Почему обычные фрагменты повседневной жизни, отлежавшись во времени, становятся такими ценными? Возможно, ответ прост: потому что мы наконец понимаем, что те дни, которые, как нам казалось, будут повторяться бесконечно, на самом деле больше никогда не вернутся. Только выйдя из школы и оказавшись в обществе, мы вдруг обнаруживаем, что больше никто не протянет тебе записку, когда тебе скучно, и никто не нарисует тебе черную кошку с крыльями, когда ты устал. Те мелочи, которые когда-то казались само собой разумеющимися, становятся самыми недостижимыми

сокровищами в будущем.

Я не удержалась и сфотографировала на телефон несколько страниц с каракулями, отправив их своему тогдашнему соседу по парте. Ответ пришел очень быстро: «Боже мой, ты до сих пор их хранишь!» Мы хохотали в переписке, вспоминая те нелепые и милые времена. Оказывается, воспоминания не исчезают со временем — стоит лишь появиться поводу, и их легко можно пробудить. Именно эти, казавшиеся обыденными, фрагменты и составляют самый настоящий фон жизни.

Упорядочив тетрадь, я бережно убрала её на хранение. Не потому, что она имеет какую-то большую практическую ценность, а потому, что каждое её перелистывание — это разговор с моим прошлым «я». Эти каракули и записки, словно тонкие нити эмоций, прочно связывают меня с прошлым, с друзьями и с юностью. Они напоминают мне: даже если жизнь и кажется самой обыденной, с помощью небольшой доли творчества я всё равно могу зажечь для себя свой собственный огонек.

Возможно, в этом и заключается смысл существования старых вещей. Они позволяют нам в повседневной рутине увидеть то прекрасное, что мы обычно упускаем из виду. Они учат нас ценить каждое мгновение, ведь каждый лист с каракулями, каждая записка — это доказательство того, что мы когда-то старались сделать себя счастливыми. Когда мы вновь листаем эти тетради, мы не просто вспоминаем про-

шное, но и напоминаем себе: каждый день будущего тоже стоит прожить с полной отдачей и создать свой собственный цвет.

Я закрыла тетрадь и тихо сидела в лучах солнца, благодаря ту юность, украшенную каракулями и записками, и надеясь, что в будущем я смогу сохранить эти сюрпризы и нежность обычных дней. Ведь самые ценные воспоминания часто скрываются в самых обыденных моментах.

Глава пятая: Старый магнитофон и изношенная кассета

Утренние лучи солнца пробивались сквозь щели в шторах и заливали каждый уголок комнаты. Я присела на корточки перед невысоким шкафом в кладовой, перебирая коробки, к которым не прикасалась много лет, и пальцами наткнулась на старый магнитофон. Его корпус был покрыт серовато-белыми пятнами, края кнопок стали сглаженными от многолетнего трения, а в нескольких местах были небольшие сколы — кто, когда и в каком настроении их оставил? Рядом с магнитофоном тихо лежали кассеты: их прозрачные оболочки уже пожелтели, а в некоторых местах даже были следы разрывов. Этот набор старых звуковых записей, словно запечатанная капсула времени, тихо оживал в моих руках.

Я осторожно нажала кнопку воспроизведения на магнитофоне. Кассета, вращаясь, издала скрипучий звук трения, а затем раздался прерывистый шелест. Музыка и голоса то появлялись, то исчезали среди шумов, словно через толстое

стекло — нечетко, но в то же время знакомо. В тот момент казалось, что всё пространство заполнили эти давно искажённые звуки. Мои мысли, следуя за звуковыми волнами, начали блуждать, возвращаясь в ту эпоху, когда мы записывали фрагменты жизни на магнитофон.

В те времена магнитофон был незаменимым сокровищем в каждом доме. Каждые выходные вся семья собиралась вместе, чтобы записать последние хиты, а также запечатлеть на кассете важные даты, поздравления с днями рождения и даже случайные ссоры. В моей памяти осталась одна особенная кассета, которую мы записали вместе с несколькими друзьями в год окончания начальной школы. Мы по очереди громко кричали в микрофон, называя друг друга прозвищами и рассказывая шутки, понятные только нам. Смех того дня и интонации, которыми мы нарочно пытались казаться взрослыми, теперь прерывисто звучат из изношенной кассеты. Хотя не каждое слово слышно отчётливо, как только кассета начинает вращаться, я снова ощущаю радость и невинность того момента.

Помню, как однажды отец включил в магнитофоне песню и сказал, что это была его любимая мелодия в молодости. Тогда я была ещё маленькой и не понимал смысла слов, но мелодия мне показалась трогательной. Много лет спустя, когда я в какой-то случайный момент услышала ту же мелодию, в моей голове всплыли не сами слова песни, а сосредоточенное выражение лица отца, спина матери, суевающейся на кух-

не, и уютная атмосфера, когда вся семья сидела вместе. Звуки из магнитофона словно стали носителем семейных воспоминаний, сохраняя в архиве каждое мгновение ушедшего времени.

Иногда я задумываюсь: почему звуки, которых я уже не слышу, по-прежнему звучат в глубине души, причём даже яснее, чем тогда? Возможно, это потому, что в самом звуке заключена магия, способная проникать сквозь время и пространство. В отличие от фотографии, которая застывает в каком-то мгновении, звук течет, позволяя эмоциям вновь пробуждаться при каждом прослушивании. Каждая запись — это воссоздание эмоций; каждый шелест — словно воспоминание, пытающееся прорваться сквозь стены времени и вернуться к нам.

На изношенной кассете, помимо музыки и смеха, есть и ссоры, о которых не хочется вспоминать, и чувство утраты. В тот год родители ссорились, мама заперлась в своей комнате, но всё равно тихо напевала у магнитофона. Я тайком сохранила ту запись; хотя голос на ней и хриплый, она стала для меня отправной точкой в понимании маминых переживаний. Спустя много лет мама уже редко поет, но каждый раз, когда я включаю ту запись, я вспоминаю её нежный голос молодости и те эмоции, о которых она так и не сказала вслух.

Магнитофон также запечатлел прощания между друзьями. В год окончания средней школы мы с лучшими друзьями

ми по очереди записывали на кассету друг другу пожелания и мечты. Кто-то говорил, что хочет стать учителем, кто-то — что хочет объехать весь мир, а кто-то просто говорил: «Надеюсь, мы всегда останемся друзьями». Сейчас эти голоса звучат наивно и искренне. Хотя со многими из них я давно потеряла связь, эти голоса упорно сохранились на изношенной кассете, напоминая мне: когда-то была группа людей, которые сопровождали меня в самые беззаботные годы моей жизни.

Каждый раз, когда из магнитофона раздаётся шипение, я всегда тихо сижу на месте, позволяя мыслям унести в прошлое. Это ощущение похоже на разговор с детским «я», а также на воссоединение с близкими и друзьями из прошлого. Хотя качество звука уже давно не такое чёткое, как в те времена, а некоторые фрагменты вообще невозможно восстановить, эмоции, напротив, становятся ещё более яркими. Эта «несовершенство» придаёт воспоминаниям больше глубины и учит меня находить нежность в сожалениях.

Возможно, в этом и заключается самый глубокий смысл старых вещей. Они не только являются сосудами для воспоминаний, но и той отправной точкой, от которой мы постоянно задаем себе вопросы. В этих изношенных кассетах скрываются радости, сожаления и надежды прошлого. Каждое воспроизведение — это призыв к прошлому и диалог с самим собой. Потрепанный корпус магнитофона стал свидетелем моего пути от юности к зрелости; а голоса на кассетах

сопровождали меня в бесчисленные моменты одиночества и радости.

С приходом цифровой эры магнитофоны и кассеты постепенно были вытеснены более современными устройствами. Музыка и голосовые записи превратились в файлы в облаке, которые можно воспроизвести одним нажатием кнопки. Но исчезло то ощущение ритуала, когда «ждешь, пока появится звук». Сегодня, когда я вновь беру в руки этот старый магнитофон и нажимаю кнопку воспроизведения, в душе всегда возникает какое-то необъяснимое чувство благоговения. Как будто я отдаю дань уважения своему прошлому «я» и приветствую ушедшее время.

Каждое воспроизведение похоже на перетягивание каната со временем. Те повреждённые фрагменты на кассете очень напоминают те неисправленные сожаления в нашей жизни. Но даже несмотря на это, мы всё равно готовы слушать их снова и снова, готовы искать свои собственные ответы среди шума и треска. Потому что мы знаем: по-настоящему важно не само звучание, а то свидетельство, что это было сохранено, запомнено и любимо.

Я бережно убрала магнитофон и кассеты и отложила их в угол кладовой. Не потому, что они больше не пригодны к использованию, а потому, что всякий раз, когда мне нужно утешение, я всегда могу вернуться сюда и найти те звуковые воспоминания, которые принадлежат только мне. Они напоминают мне: даже если звуки исчезнут, чувства останутся в

глубине души навсегда. Те песни, которые я когда-то записывала снова и снова, пожелания друзей, напутствия родителей — всё это в конце концов станет самым нежным и самым стойким светом в моей жизни.

Возможно, однажды эти магнитофоны и кассеты окончательно выйдут из строя и их больше не удастся воспроизвести. Но пока я помню ту музыку, те слова, эти звуки будут продолжать звучать в глубине моего сердца, сопровождая меня на моём жизненном пути. Ведь сила воспоминаний намного превосходит сам звук. Она позволяет нам в каждый момент, когда нужна сила, вновь обретать мужество среди шелеста кассет.

В этом и заключается смысл старых магнитофонов и изношенных кассет. Возможно, они уже не способны издавать чистый звук, но они помогают нам понять: то, что действительно способно преодолеть время, — это те чувства, которые были бережно сохранены в сердце. Даже если мир вокруг шумит, в глубине души всё равно звучит своя собственная мелодия, тихо и нежно.

Глава шестая: Старая обувная полка у входа

Старая обувная полка у входа — самый незаметный уголок в доме. Она всегда тихо стоит в прихожей, круглый год, в любую погоду, а пары старых туфель поочередно меняют на ней места, словно самые незаметные, но самые верные стражи нашей жизни. Только во время уборки или переезда мы останавливаемся и внимательно присматриваемся к это-

му маленькому миру, к которому давно привыкли.

В то раннее утро солнечный свет пробивался сквозь коричневое стекло, и я наклонилась, собираясь стряхнуть пыль с обувной полки. Кончиками пальцев я коснулась поверхности полки и почувствовала, как дерево стало шероховатым от времени; на ней едва заметно остались следы от ног и водяные пятна. Полка слегка покачивалась и скрипела, словно шепча истории прошлого. Те ряды старых туфель — больших и маленьких — стояли в беспорядке, но каждая на своём месте.

Наиболее бросающейся в глаза на полке была пара чёрных кожаных туфель: носки уже изношены, а шнурки частично порваны. Это были туфли, в которых я шла на своё первое собеседование. Помню, в тот день я так нервничала, что у меня потели ладони, и я то и дело вытирала туфли, про себя повторяя: «Обязательно всё должно пройти гладко». Эти туфли сопровождали меня на первом важном этапе моей жизни и стали свидетелями моего перехода от студентки к взрослой жизни. Каждый раз, глядя на эту пару, я вспоминаю, как осторожно и решительно я тогда шагала. Хотя сейчас я уже давно сменила работу, эти туфли остались отправной точкой моей карьеры и безмолвно напоминают мне: «Не забывай, кем ты была вначале».

Рядом лежит пара старых кроссовок: подошвы оттерты до белизны, а верх покрыт царапинами. Они сопровождали меня по бесчисленным горным тропам и были свидетелями то-

го, как мы с друзьями покоряли вершины и весело пикничковали у ручья. Каждое грязное пятно, каждая царапина — это след приключений. Вспоминаю тот дождливый день, когда мы поднимались в горы: кроссовки уже давно промокли насквозь, на ногах образовались мозоли, но мы всё равно дошли до конца. Все эти трудности и радости хранятся в этих кроссовках. Всякий раз, когда я сомневаюсь, стоит ли продолжать бросать вызов, эти кроссовки всегда дают мне силы и напоминают о той настойчивости и энтузиазме, которые были у меня вначале.

Ещё одна пара — старые хлопковые тапочки моей мамы, верх которых уже пожелтел, а вата внутри спрессована до плоского состояния. Мама всегда любила ходить в этих тапочках по дому: убираться, готовить, заботиться о семье. Эти тапочки хранят тепло мамы, словно тихое сопровождение. Каждый раз, когда я возвращаюсь домой и вижу эти тапочки, я чувствую, что тепло и уют дома по-прежнему здесь. Хотя мама уже купила себе новые, эти старые тапочки она так и не смогла выбросить. Возможно, потому что они сопровождали её через бесчисленные дни и ночи и были свидетелями каждого её шага, сделанного ради семьи.

На самой нижней полке обувной полки до сих пор лежат несколько пар детских туфель: одни я носила в детстве, другие остались от младших братьев и сестёр. Эти маленькие туфли разноцветные, на подошвах выгравированы различные мультяшные узоры. Каждая пара хранит следы взросле-

ния. Я до сих пор помню, как впервые научилась сама надевать туфли, как впервые бегала по парку, как впервые упала и снова встала. Все эти смех и слёзы хранятся в этих маленьких туфлях. Каждый раз, когда в семье появляется новый член, эти старые туфли достают и передают следующему поколению, словно в них течёт кровь нашей семьи.

Почему, глядя на старые туфли, мы вспоминаем пережитые трудности и радости, а не их изношенность? Возможно, потому что каждая пара туфель является свидетелем уникального жизненного пути. Износ обуви — это доказательство того, что мы упорно шли по жизни. Эти потертости хранят следы наших падений, упорства и роста. Каждая пара старых туфель — это начало и конец истории, а также хранитель эмоций.

Иногда старые туфли с полки достают члены семьи, чтобы почистить или зашить их. Мама всегда говорит: «Эти туфли ещё можно носить некоторое время». Даже зная, что в конце концов их придётся выбросить, она не может решиться легко от них избавиться. Эта нежелание избавиться — на самом деле не привязанность к самой вещи, а бережное отношение к прошедшему времени. Каждый из нас проходит свой жизненный путь в обуви, и когда мы решаем сохранить какую-то старую пару, мы на самом деле сохраняем часть своих воспоминаний.

Старые туфли на полке также являются свидетелями изменений в составе семьи. Некоторые из них принадлежат лю-

дям, которые уже давно уехали из дома, а другие остались после близких, прошедших последний путь жизни. Они тихо стоят в самом углу полки, словно ждут того дня, когда их снова наденут. Каждый раз, когда семья собирается вместе, все обязательно указывают на ту или иную пару обуви и вспоминают забавные истории, связанные с этим человеком. Обувь становится нитью, связывающей нас друг с другом, и позволяет истории нашей семьи жить в каждом воспоминании.

Однажды я наконец набралась смелости и решила привести в порядок полку, убрав туфли, которые уже износились донельзя и больше не подходят для носки. Но когда я брала их одну за другой, никак не могла решить, какую именно выбросить. Каждая пара несла в себе свою историю, словно шепча мне: «Помнишь ли ты, какие пути мы прошли вместе?» В тот момент я вдруг поняла: на самом деле сложнее всего расстаться не с обувью, а с теми годами, которые мы прожили вместе с ней.

В конце концов я выбросила лишь несколько пар, которые были полностью изношены и не подлежали ремонту. Остальные я аккуратно разложила обратно на полку для обуви. Не потому, что не хотела избавляться от лишнего, а потому, что каждый раз, проходя мимо этого уголка, я нахожу в этих старых туфлях мужество идти вперёд. Они напоминают мне: каким бы трудным ни был жизненный путь, если идти шаг за шагом, не торопясь, то обязательно доберешься туда, куда

хочешь.

Старая обувная полка у входа по-прежнему тихо охраняет ежедневные выходы и возвращения членов семьи. Она была свидетелем наших многочисленных отъездов и каждого возвращения домой. Каждый раз, когда наступает глубокая ночь и вокруг воцаряется тишина, я всегда подхожу к входу, нежно прикасаюсь к полке и благодарю её за то, что она выдерживает всю тяжесть, ложащуюся на плечи нашей семьи. Старая обувь на полке помогает мне понять, что смысл дома не в роскоши, а в сопровождении и ожидании.

Возможно, в этом и заключается магия старых вещей. Они не только хранят воспоминания, но и сопровождают нас на каждом отрезке пути реальной жизни. Всякий раз, когда мы стоим на перепутье выбора или чувствуем себя потерянными и беспомощными, достаточно оглянуться на эти старые туфли, чтобы вспомнить о трудностях и радостях, которые мы уже пережили. Эта сила тихо прорастает в глубине души и становится движущей силой, помогающей нам идти дальше.

Я тщательно вытерла каждую пару старых туфель на полке и аккуратно разложила их по местам. Не потому, что их ещё можно носить, а потому, что они олицетворяют моё прошлое и предвещают будущие возможности. Старая туфлевая полка у входа, словно нежный луч света перед дверью дома, безмолвно сопровождает нас каждый день, когда мы уходим и возвращаемся. Она напоминает нам: каждый шаг в жизни,

каким бы обыденным он ни был, достоин того, чтобы его запомнить.

Глава 7: Керамическая миска на кухне

Кухня — самое уютное и оживлённое место в доме. Будь то раннее утро или вечер, здесь всегда слышны звуки стука кастрюль и мисок, витает аромат горячей пищи, а в воздухе раздаётся смех и разговоры домочадцев. В углу моей кухни стоит несколько обычных керамических мисок. Это не дорогой фарфор и на них нет изысканных узоров; у одной из белых мисок даже есть небольшой скол на краю. Каждый раз, когда я накладываю в эту миску рис или суп, прикосновение к этому сколу напоминает мне о той суматохе и оживлённости, которые сопровождали наш переезд много лет назад.

Это было много лет назад, одним днем. Вся семья суежилась, упаковывая вещи, а на кухне кастрюли, миски и посуда сложились в целую гору. Мама, собирая вещи, ворчала: «Эту миску обязательно нужно взять с собой — в ней была твоя первая миска рисовой каши после рождения». Мне тогда это показалось забавным: «Обычная миска, которую мы используем уже столько лет, и вы не можете с ней расстаться?» Мама ничего не ответила, а просто аккуратно завернула её в старую газету. Никто и подумать не мог, что во время переезда эта миска ударится об угол стола и на ней останется заметная скола.

Каждый раз, когда я касаюсь этой сколы пальцами, это словно отголосок прошлого. Она напоминает о суматохе пе-

реезда, когда вся семья суежилась и подшучивала друг над другом, а также о том, как, только-только переехав в новый дом, мы сидели все вместе за столом и пили из этой миски горячий суп, а также ели вареники, приготовленные своими руками. Хотя жизнь тогда была скромной, она была полна надежды и тепла. Мама всегда говорила: «Если вещь старая, но ещё пригодная к употреблению, не спеши её выбрасывать». Так эта чашка с сколом стала в нашей семье «чашкой с историей», день за днём становясь свидетелем перемен в нашей семье.

Поверхность керамической миски уже давно покрыта мелкими трещинками и царапинами, а на дне выгравирован иероглиф «дом», который мама выцарапала гвоздем в молодости. Каждый раз, когда я беру эту миску в руки, я всегда про себя говорю: «Спасибо этой миске за то, что она когда-то дарила нам сытость и смех». Иногда, когда к нам приходили новые гости, увидев эту миску, они спрашивали: «Почему бы не заменить её на новую?» Мама всегда спокойно улыбалась и отвечала: «К этой миске привязаны воспоминания, её нельзя заменить».

Когда-то я тоже задавалась вопросом: почему обычная миска может стать самым важным предметом в доме? Но однажды я случайно услышала, как мама разговаривала с соседкой, и она сказала: «В те времена мы были бедны, и в доме оставалось не так много вещей, каждая из которых — свидетельство того времени». Тогда я поняла: эта миска —

не просто предмет быта, а скорее сосуд, в котором хранятся семейные воспоминания. В ней были наши радости и печали, она была свидетелем воссоединений и разлук, а также несла в себе теплоту каждого семейного обеда.

Когда я накладываю рис в эту миску, я всегда стараюсь обходить ту сколотую часть стороной. Мама говорит: «Хотя в ней и есть скол, в неё всё равно можно наливать суп и класть овощи, это нисколько не влияет на её полезность». Эти слова звучат просто, но в них чувствуется стойкость перед лицом жизни. Каждый человек, как и эта миска, в той или иной степени имеет свои недостатки, но пока он может служить и нести на себе груз, он имеет право на существование. Эта терпимость и готовность не отказываться от близких — самое простое, но самое глубокое чувство в семье.

Иногда, когда я возвращаюсь домой поздно вечером после сверхурочной работы и открываю холодильник, мама наливает мне в эту миску тарелку горячего супа. В супе плавают нарезанный зелёный лук и морковь, и от него исходит аппетитный аромат. Каждый раз, когда ложка ударяется о скол, раздаётся чёткий звон. В этот миг я всегда ощущаю тепло и безопасность дома. Этот звук словно напоминание: каким бы шумным и безразличным ни был внешний мир, дома всегда найдётся место, где для тебя сохраняется самая простая нежность.

Прошло много лет, домашняя посуда уже несколько раз менялась, но только эта керамическая миска с сколом так и

не была выброшена. Иногда, видя, как мама держит его в руках, она с улыбкой напоминает: «Осторожно, не разбей снова». Я знаю, что на самом деле она хочет сказать: «Береги это воспоминание». Эта миска сопровождала нас, когда мы переезжали из одного дома в другой, когда мы вышли из бедности и обрели благополучие, когда мы росли от подростков до взрослых. В каждый момент она тихо стояла на обеденном столе, храня тепло нашего дома.

Почему обычная миска смогла стать свидетелем тех тяжёлых, но тёплых времён? Думаю, потому что она несла в себе не только еду, но и историю семьи, заботу матери, а также нежность, с которой мы поддерживали друг друга в трудные времена. Каждый член семьи когда-то ел из неё рис и пил суп. Те обычные дни, в компании этой миски, постепенно обретали глубину и многогранность.

Однажды, во время семейного праздника, в доме царил оживлённая атмосфера. Мама поставила эту миску на стол, и родственники, улыбаясь, сказали: «Эта миска до сих пор с нами!» Кто-то вспомнил забавные истории о переезде в те времена, кто-то заметил: «Рис из этой миски особенно ароматен». Все сидели в кругу, и смех и рассказы витали в воздухе. В тот момент я вдруг поняла, что эта миска давно стала частью нашей жизни и превратилась в общее воспоминание всей семьи.

Однажды я спросила маму: «А что ты будешь делать, если эта миска когда-нибудь действительно разобьётся?» Ма-

ма подумала и с улыбкой ответила: «Тогда будем в ней сажать цветы или хранить конфеты — всегда найдётся, где её применить». Её слова заставили меня невольно рассмеяться. Оказалось, что по-настоящему ценить вещь — это не значит, что она должна быть безупречной, а значит, что ты готов придать ей новое значение.

Эта керамическая миска научила меня терпимости и благодарности. Она напоминает мне, что в жизни больше всего стоит ценить не те вещи, которые идеальны, а те старые предметы, которые прошли с тобой через радости и горе, стали свидетелями твоего взросления. Возможно, они уже давно утратили свой блеск, а может, даже имеют недостатки, но именно поэтому они кажутся более настоящими и ценными.

Каждый раз, когда я накладываю в эту миску рис, я всегда в душе молча благодарю её за всё, что она когда-то вынесла. Она напоминает мне, что дом — это не идеальное место, а место, где есть место для недостатков и где принимают слабости. Скол на керамической миске — словно нежный знак, напоминающий нам: настоящее счастье — это поиск любви и причастности в несовершенстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.